

М. Горяинова

Сирень цвела...

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М11

М11 **М. Горяинова**
Сирень цвела... / М. Горяинова – М.: Книга по Требованию, 2013. – 130 с.

ISBN 978-5-8852-8725-8

ISBN 978-5-8852-8725-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

тропинкѣ... Гитару лучше оставьте, споете когда вернемся.» — И радостные, счастливые, молодые люди стали весело спускаться съ горы...

Таня Обухова переживала то блаженное состояніе влюбленности, которое даже самую сѣренькую жизнь превращаетъ въ красивую сказку; а сѣренькой — жизнь Тани назвать было нельзя. — Потерявъ рано мужа, Софья Александровна, мать Тани — вся отдалась воспитанію единственнаго ребенка. Таня росла одна, но отсутствіе сверстниковъ не отразилось на ея характерѣ. Живая, впечатлительная дѣвочка всегда находила откликъ въ Софьѣ Александровнѣ, которая, будучи еще сама молодой — изъ спокойной, любящей матери, нерѣдко становилась веселымъ товарищемъ рѣзвыхъ игръ. Всѣ интересы Таниной дѣтской жизни составляли, казалось, и главный смыслъ существованія Софьи Александровны, и съ годами дѣвочка привыкла смотрѣть на мать, какъ на неразлучную старшую подругу. Незамѣтно пролетѣло время. Софья Александровна утратила свѣжесть и прелесть молодости, а Таня, изъ хорошенькаго ребенка — превратилась въ очаровательную дѣвушку. Судьба, повидимому, рѣшила сдѣлать ее своей баловницей. Съ чуткой душой и живымъ умомъ, хорошенькая, веселая Таня была общей любимицей и, выросши въ довольствѣ и даже роскоши, привыкла смотрѣть на жизнь, какъ на заманчивый праздникъ. Мать и дочь переживали вмѣстѣ всѣ радости и волненія, и Софья Александровна не представляла себѣ того момента, когда у «ея маленькой Тани» начнется своя личная жизнь. Если иногда смутная тревога и страхъ передъ неизбежнымъ и закрадывались въ ея сердце, она сразу себя успокаивала обычными фразами:

«Какія глупости, вѣдь она еще совѣмъ ребенокъ,» и облегченно, любовно оглядывала сѣроглазую любимицу.

— И вдругъ это неизбѣжное пришло, — и пришло неожиданно, какъ и все нежеланное. — На одномъ изъ рождественскихъ, танцевальныхъ вечеровъ, Таня, всегда съ увлеченіемъ танцовавшая, не отдавая изъ молодежи предпочтенія никому — пережила нѣчто совсѣмъ новое, незнакомое... Передъ котильономъ хозяйка дома подвела къ ней молодого корнета, Владимира Сергѣевича Талызина, пріѣхавшаго на праздники къ родителямъ — и представила какъ прекраснаго танцора.

— Высокій, статный, съ открытымъ веселымъ лицомъ и прекрасной улыбкой, открывавшей изъ подъ черныхъ усиковъ рядъ ослѣпительныхъ зубовъ, Талызинъ привлекалъ вниманіе, и хотя его нельзя было назвать красавцемъ, всякій, глядя на него — ласково улыбался и мысленно произносилъ — «какой молодецъ.» Лишь осенью выпущенный офицеромъ въ полкъ, который сразу сталъ для него самымъ главнымъ и дорогимъ въ жизни, онъ все таки съ радостью ѣхалъ на Рождество въ милый Петербургъ, «къ своимъ», заранѣе предвкушая счастье родителей и вихрь удовольствій. —

Тоненькая, смуглая Таня, съ разгорѣвшимися щеками и блестящими глазами, въ бѣломъ кисейномъ платьицѣ и розаномъ въ густыхъ, черныхъ волосахъ — явилась молодому человѣку живымъ воплощеніемъ его мечтаній и, не умѣя скрывать своихъ чувствъ, онъ открыто въ этомъ признавался, слѣдя за ней восхищеннымъ взоромъ. Таню, избалованную успѣхами, не удивила новая побѣда, но когда, послѣ веселаго котильона Талызинъ отвелъ свою даму на мѣсто, и, склонивъ почтительно русую голову, поблагодарилъ, — ей показалось, что она осталась совсѣмъ одна, кругомъ все, какъ то, потускнѣло, а оживленный балъ сталъ вдругъ скучнымъ и неинтереснымъ.

Шумно проходили праздники: елки, танцы, катанье съ горъ и на конькахъ — шли пестрой чередой, но Таня обычнаго веселья съ собой не приносили. Талызинъ былъ неожиданно вызванъ въ полкъ, замѣнить захворавшаго товарища, а отпускъ его перенесенъ на масляницу. — Съ тревогой и заботой замѣчала Софья Александровна, что Таня не та, — разсѣянна, грустна, но, приписывая ея настроеніе усталости отъ избытка развлеченій, совѣтовала хорошенько отдохнуть и запасть силами къ близкой масляницѣ.

Вотъ пріѣхала и она — широкая, съ блинами, тройками, ряжеными, балаганами...

Хмурый, строгій Петербургъ — вдругъ помолодѣлъ. Оживилось Марсово поле, разошелся балаганный дѣдъ, бойко стали зазывать румяные разнощики праздный людъ полакомиться сладостями, заливаясь колокольчиками, запестрѣли разукрашенныя вейки, на радость благодарному сѣдоку — беззаботной дѣтворѣ и мелкому чиновнику. Понеслись звуки гармошки и подгулявшіе голоса разухабистой плясовой. Солнце засвѣтило ярче, снѣгъ на улицахъ пожелтѣлъ, а на Невѣ порыхлѣлъ, быстрѣе мчались по Набережной рысаки, не такъ сурово окликалъ бравый городской невпопадъ сущагося чухну. Даже хлопотливые воробы засуетились по весеннему...

Съ мясляницей рѣзко измѣнилось и настроеніе Тани, и, изъ тоскливаго и вялаго, стала нервно-лихорадочнымъ. — Устраивалось катанье на тройкахъ.

Когда, наконецъ, въ морозный день, всѣ собрались, и Таня, среди, разсаживавшейся по широкимъ санямъ съ говоромъ и смѣхомъ, молодежи вдругъ увидала милое лицо въ бѣлой фуражкѣ, лукаво улыбавшееся изъ подъ боброваго воротника — сердце ея застучало громко,

громко, въ глазахъ все закружилось, и блаженное состояніе охватило всю...

Недѣля пролетѣла какъ чудный сонъ. Молодые люди боялись словъ, но краснорѣчивые взгляды и смущеніе при ежедневныхъ встрѣчахъ выдавали ихъ тайну.—

Отпускъ Талызина кончался съ масляницей.

Въ воскресенье, послѣ катанья съ горъ, распрошались молодежь съ весельемъ, и еще возбужденная, но грустная разѣзжалась по домамъ.

Въ низкихъ саночкахъ неслись съ острововъ Тани и Талызинъ. Обхвативъ рукою тонкій станъ своей молоденькой спутницы и стараясь поймать взглядъ слегка испуганныхъ глазъ, взволнованный, смущенный — дѣлалъ Талызинъ свое первое признаніе.

«Татьяна Николаевна, я никогда не забуду этихъ дней и буду терпѣливо ждать мая, чтобы васъ снова увидеть. Вы не забудете меня? Какъ грустно мнѣ уѣзжать опять въ полкъ, который еще такъ недавно замѣняли мнѣ все.» —

Грудь Тани порывисто дышала, кровь горячей волной прилиwała къ сердцу... Словъ не было. Къ горлу подступали слезы, и близко, близко наклонившійся къ ея разгоряченному личику Талызинъ — прочелъ отвѣтъ въ блеснувшемъ слезою взорѣ, довѣрчивыхъ, сѣрыхъ глазъ. —

Розовое небо потемнѣло, замерцали далекія звѣзды. Раздался и повисъ въ воздухѣ первый ударъ унылаго Великопостнаго колокола...

Софья Александровна, ревниво охранявшая свою дѣвочку, чутьемъ угадала зародившееся чувство и, посмотря на искреннюю симпатію къ Талызину, увидала въ немъ того педрута, который, по праву, можетъ отнять у нея ея сокровище. —

Таня, до сихъ поръ не имѣвшая тайнъ отъ матери, по какому то непонятному, стыдливому чувству удерживалась отъ откровеннаго признанія и избѣгала прежнихъ задушевныхъ бесѣдъ съ нею. Софья Александровна знала отъ Тани, что Талызинъ пріѣдетъ въ маѣ. Она видѣла и чувствовала, что Таня отъ нея отошла, что въ душѣ ея созданъ уголокъ, гдѣ ей, любимой всегда мамѣ, мѣста нѣтъ, и что таковъ законъ природы — противъ котораго бороться нельзя. — И сердце ея тоскливо ныло, въ душѣ поднималась горечь незаслуженной обиды. —

Для Софьи Александровны — май, съ пріѣздомъ «врага», означалъ начало ея страданій, когда кончалось «ея» счастье, и начиналось самое страшное въ жизни молодой женщины — одиночество. —

Для Тани май, съ пріѣздомъ того, кому принадлежали всѣ ея мысли и сердце, несъ съ собою то счастье, безъ котораго жизнь не имѣла смысла.

Мать и дочь молчали, и каждая, по своему, ожидала весны. —

И вотъ, прилетѣлъ онъ — этотъ беззаботный волшебникъ-май, съ плѣнительной весной, царицей сиренью, мечтательнымъ соловьемъ, и властно и громко сталъ звать къ любви и радостямъ. —

Въ этотъ, какъ и въ прошлые годы, Софья Александровна переѣхала съ наступленіемъ весны на свою любимую Сиверскую, гдѣ она всегда жила на одной и той же дачѣ, у спуска горы къ рѣкѣ. Родители Талызина рѣшили провести предстоящее лѣто тоже тамъ и стали сосѣдями Обуховой. Пріѣздъ сына ожидался со дня на день.

Въ яркое, майское утро, Софья Александровна, мирно сидѣвшая на террасѣ, окончательно растерялась, неожиданно увидавъ передъ собою взволнованнаго Та-

лызина, довѣрчиво и радостно спросившаго ее послѣ первыхъ привѣтствій о Танѣ. — Таня срѣзала въ саду сирень и, издали увидавъ гости — сначала такъ смутилась, а затѣмъ радостно просіяла, что сердце Софьи Александровны упало, и то, чему она боялась вѣрить, превратилось въ страшную дѣйствительность. Ей оставалось лишь ждать — рѣшенія.

Молодые люди шли вдоль рѣчки, отъ которой поднимался туманъ. Прозрачный воздухъ поддернулся легкой дымкой, тонкія березки потянулись вверхъ, холодный серпъ народившагося мѣсяца бѣлѣлъ въ высокомъ небѣ. Отъ остраго аромата кружилась голова. —

«Татьяна Николаевна, Таня», говорилъ Талызинъ, сжимая ея руки и приближая свое лицо къ ея счастливымъ яснымъ глазамъ. —

«Я васъ люблю, и вы меня не оттолкнете. — Я чувствую, что и я вамъ дорогъ... Скажите, да?»

Яркимъ свѣтомъ все вдругъ засвѣтилось и озарилось, счастье и умиленіе унесло въ невѣдомый миръ и, вся затрепетавъ — Таня положила свои тонкія руки на сильныя плечи Талызина.

«Таня, лапушка, радость моя,» прошепталъ онъ страстно и горячими губами прильнуть къ ея похолодѣвшимъ, полуоткрытымъ устамъ...

Поджидавшая на балконѣ ихъ возвращенія Софья Александровна, сразу, по сіяющимъ, взволнованнымъ лицамъ увидала, что приговоръ надъ нею произнесенъ. —

«Мама, родная моя мамочка, — какъ я счастлива — если бы ты только знала,» обнимая и прижимаясь къ матери, говорила, часъ спустя, Таня, взобравшись къ Софьѣ Александровнѣ на постель и укладываясь около нея, калачикомъ, какъ въ дѣтствѣ, когда нужно было повѣдать что-либо важное. —

«Онъ меня любить, и какъ любить! Мамочка, скажи, ты это знала, видѣла давно?» нѣжно, любовно глядя руку матери, спрашивала дѣвушка, стыдливо улыбаясь и не замѣчая ея грустныхъ глазъ.

«Мы будемъ очень, очень счастливы. Завтра онъ придетъ просить у тебя моей руки, и объ одномъ прошу тебя, мамочка, не откладывая на-долго нашу свадьбу. Мнѣ такъ хочется быть всегда съ нимъ, не расставаясь ни на одну минутку. Мы такъ весело и уютно устроимъ нашу жизнь въ полку, и ты будешь къ намъ приѣзжать.» И не дожидаясь отвѣта — Таня отдалась грезамъ...

Безмолвная и неподвижная слушала Софья Александровна жестокая, такая безпощадная, для нея рѣчи «своей дѣвочки». Какой далекой и чужой явилась вдругъ «новая Таня», такъ легко, и даже радостно, уходящая изъ родного гнѣзда и отъ той, съ которой безмятежно прожила свою молодую жизнь... Тяжелый вздохъ вырвался изъ ея груди, и горькія слезы скатились медленно по щекамъ...

Тихо теплилась въ углу лампадка, въ саду шелкалъ соловей, сквозь полуоткрытое окно струился запахъ сирени...

Мирно дышала грудь, сладко улыбавшейся во снѣ, Тани.

Софья Александровна лежала съ открытыми глазами и покорно ждала удѣла старѣющей женщины — одиночества...

Свадьба была назначена въ октябрѣ.

Талызинъ скоро уѣхалъ въ полкъ, а для Софьи Александровны и Тани начались приготовленія къ приданому.

То и дѣло привозились изъ города картонки съ ворохомъ батиста, кружевъ, лентъ. Портниха съ дѣловымъ видомъ совѣщалась те съ Софьей Александровной,

то съ Таней. Въ домѣ царилъ тотъ, милый сердцу каждой женщины, безпорядокъ, который и на склонѣ лѣтъ вспоминается особенно трогательно и нѣжно...

Больше всего заботъ и споровъ доставляло подвѣчное платье. Танѣ его хотѣлось имѣть «особеннымъ» — какъ ни одно другое. Софья Александровна совѣтовала сдѣлать совсѣмъ гладкое; портниха обиженно увѣряла, что гладкое придастъ, и безъ того тоненькой. Танѣ ненужную худобу и просила положиться на ея умѣнье и вкусъ. —

Безъ жениха Таня будто не замѣчала ни окружавшей ее привычной обстановки, ни прелести лѣта и природы. Все, что раньше такъ естественно наполняло и украшало жизнь — знакомые, прогулки, книги, пикники — куда то отошло, потеряло всякій смыслъ и цѣну. По привычкѣ ласковая съ матерью, она разсѣянна и невнимательно, часто невпопадъ, отвѣчала Софьѣ Александровнѣ, всѣми мыслями и чувствами принадлежа одному, сейчасъ далекому, Талызину. Между молодыми людьми шла правильная переписка, и только видъ почтальона и письма приводили ее въ радостное оживленіе.

Софья Александровна создавала себѣ болѣе, чѣмъ нужно, работы и хлопотъ, чаще уѣзжала, долго не возвращалась, лишь бы поменьше быть съ Таней и не выдать ей своего душевнаго состоянія. Не одно нежеланіе огорчить свою любимицу, но и другое, болѣе сложное чувство оскорбленной материнской гордости, заставляло ее казаться довольной и спокойной въ то время, какъ въ душѣ ея звучало — «лишняя, лишняя.»

Послѣ вѣнца молодые уѣзжали въ Крымъ. —

Какъ въ туманѣ проплыла передъ Софьей Александровной прозрачная и воздушная, подъ длинной фатой, съ букетомъ бѣлыхъ розъ — Таня... Какъ будто издалека принеслось стройное пѣніе — «Исаія ликуй»... Неестест-

венно улыбаясь, со слезами въ сердцѣ, выслушивала она шумныя поздравленія . . . Растерянная, сама себѣ жалкая, кивала она съ другими, стоящимъ у открытаго окна, наполненнаго роскошными цвѣтами купэ — новобрачнымъ и, шатаясь, одинокая, среди толпы провожающихъ, уходила съ вдругъ опустѣвшаго унылаго дебаркадера . . .

Для Софьи Александровны потянулись безконечныя, тоскливыя дни. Недавнее, такое полное, оборвалось. Искать новое, могущее хоть немного возмѣстить ушедшее — было бессмысленно. — Она жила безъ времени, свѣта, интересовъ . . . Отъ Тани прилетали письма, какъ отголосокъ яркаго, солнечнаго счастья. Въ нихъ было все, онѣ были полны — но не для Софьи Александровны. Ее любили, помнили, но жизнь ея, была лишь «для нея». Прежняя Таня ушла. На ея мѣсто явилась новая, все такая же любимая, но далеко отъ нея строившая свою полную, сильную жизнь, гдѣ для Софьи Александровны, сейчасъ, мѣста не было.

Полкъ принялъ Таню, какъ долгожданную гостью. Женатыхъ офицеровъ обыкновенно въ кавалерійскихъ полкахъ было немного, и Таню баловали наперерывъ. Талызина товарищи любили, а для молоденькой жены его создавали одно удовольствіе за другимъ. — Душею всѣхъ баловъ была Таня, пикники, любительскіе спектакли устраивались для нея. Влюбленные другъ въ друга Талызины такъ рѣдко оставались одни, что о матери Таня думала мало, хотя писала ей аккуратно. —

На первый день Рождества въ полковомъ собраніи устраивалась елка. Въ сочельникъ, неожиданно для Тани, пришла изъ Петербурга посылка. — При видѣ ея любимыхъ сластей, и даже рябчиковъ, (рѣдкости для Польши гдѣ стоялъ полкъ); такъ заботливо уложенныхъ любящей рукой, обрадованная Таня вдругъ смутилась. Въ ней заговорило неловкое чувство непонятной вины,

и вернувшійся изъ эскадрона Талызинъ удивился ея провинившемуся виду...

«Что съ тобой, моя хорошая?» спросилъ онъ съ безпокойствомъ. —

«Ничего, ничего, Володя. Я просто такъ обрадовалась маминой посылкѣ. Подумай, она вспомнила даже о моихъ любимыхъ рябчикахъ. Добрая, милая мама.»

«Пойдемъ, Танюша, скорѣй обѣдать,» заторопилъ жену Талызинъ. —

«Мнѣ нужно еще заглянуть въ эскадронъ и кое что купить,» — многозначительно прибавилъ онъ, лукаво взглянувъ на молодую женщину.

«Надо все успѣть до всенощной, вѣдь ты у меня, строгая, не любишь опаздывать въ церковь»...

Полковое собраніе было залито огнями. Къ дому, гдѣ оно помѣщалось, то и дѣло подъѣзжали полковые и городскіе экипажи и сани съ нарядными дамами и барышнями. Старые и молодые офицеры, блестящіе, ловкіе, въ гусарской формѣ — собрались въ ожиданіи гостей. Хозяинъ собранія, распорядительный, бѣлокурый офицеръ, встрѣчалъ приглашенныхъ у входа въ гостиную, озабоченно давая быстрыя указанія двумъ, вытянувшимся въ струнку у дверей, гусарамъ. Въ ожиданіи елки старшая полковая дама, жена сѣдоусаго полковника, занимала разговоромъ вновь прибывающихъ. Изъ сосѣдней комнаты мягко неся упоительный вальсъ прекрасныхъ трубачей. —

Изящная, хорошенькая Таня, очаровательная въ розовомъ платьѣ, съ ниткой жемчуга на стройной, смуглой шейкѣ, выдѣлялась, даже среди красивыхъ женскихъ лицъ, своею прелестью и оживленіемъ. Молодые офицеры наперерывъ ухаживали за ней, стараясь угадать малѣйшее желаніе, а старые открыто любовались. — Наконецъ, дверь въ залу распахнулась, и богато раз-